

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 8 / 2025, Vol. 8, Iss. 8 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки)

УДК 902.01

Элементы китайской культуры в таштыкской культуре

¹ Чэнь Цзяи,

¹ Хэбэйский педагогический университет, Китай

Аннотация: таштыкская культура (II в. до н.э. – V в. н.э.) Южной Сибири демонстрирует тесные связи с культурой эпохи Хань. В погребальных обрядах таштыкцев прослеживаются элементы китайских традиций – кремация, вторичные захоронения, зерно в инвентаре. В могильнике Оглахты обнаружены китайские шелка с иероглифическими надписями и орнаментами, аналогичными образцам из Синьцзяна. Архитектурные детали «дворца Ли Лина» отражают ханьские строительные формы. Совокупность археологических данных подтверждает активное культурное взаимодействие между Китаем и Южной Сибирью, указывая на распространение элементов китайской цивилизации на северные территории через Синьцзян.

Ключевые слова: таштыкская культура, элементы китайской культуры, эпоха Хань, кремация, шелк, дворец Ли Лин

Для цитирования: Чэнь Цзяи Элементы китайской культуры в таштыкской культуре // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 8. С. 51 – 58.

Поступила в редакцию: 22 августа 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 октября, 2025 г.; Принята к публикации: 12 декабря 2025 г.

Chinese elements in the Tashtyk culture

¹ Chen Jiayi,

¹ Hebei Normal University, China

Abstract: Tashtyk culture (2nd century BCE – 5th century CE) of Southern Siberia demonstrates close connections with the culture of the Han dynasty. Chinese traditions can be traced in the Tashtyk burial rites – cremation, secondary burials, and the inclusion of grain in grave goods. Chinese silk fabrics bearing hieroglyphic inscriptions and ornaments similar to those from Xinjiang have been discovered in the Oglakhty burial site. Architectural details of the “Li Ling Palace” reflect Han-style construction forms. The totality of archaeological evidence confirms active cultural interaction between China and Southern Siberia, indicating the spread of Chinese civilization elements northward through Xinjiang.

Keywords: Tashtyk culture, Chinese elements, Han dynasty, cremation, silk, Li Ling Palace

For citation: Chen Jiayi Chinese elements in the Tashtyk culture. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (8). P. 51 – 58.

The article was submitted: August 22, 2025; Approved after reviewing: October 19, 2025; Accepted for publication: December 12, 2025.

Введение

Таштыкская культура – археологическая культура Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э., расположенная вдоль Енисея в Минусинской котловине, является одним из наследников тагарской культуры и одной из важнейших культур древней Южной Сибири. Таштыкская культура, получившая своё название от реки Таштык (речки Таштык), была выделена С.А. Теплоуховым. Одной из наиболее характерных её черт является своеобразный погребальный обряд. Кремационные обряды, гипсовые маски и бюсты, деревянная скульптура, а также китайский шёлк и китайская архитектура – важные культурные явления таштыкской культуры. Таштыкская культура располагалась на восточной окраине скифо-сарматского культурного круга и выступала важным культурным узлом, связывающим степную зону с горными районами Южной Сибири, Монгольским плато и Китаем эпохи Хань. По комплексу вещей и погребальной обрядности таштыкская культура унаследовала ряд элементов ранней Тагарской культуры (Тагарская культура) и одновременно испытала многоплановое влияние скифов, сарматов, хунну и центральнокитайской культуры ханьского времени. Она сохраняла черты кочевой культуры степного бронзового – раннежелезного века, такие как верховая езда, пастушеское хозяйство и зоолатрия, и вместе с тем воспринимала новые элементы торговых культур Средней Азии, Ближнего Востока и древнего Центрального Китая. Будучи звеном в эволюции древних культур Южной Сибири, таштыкская культура характеризовалась ярко выраженной трансрегиональностью и межкультурным взаимодействием. Многие предметы из таштыкских комплексов несут элементы древнекитайской культуры – шёлк, лаковые изделия, бронзовые зеркала ханьского типа и бронзовые маски с типичными признаками древнекитайской культуры, – сходные, изоморфные либо генетически связанные, что свидетельствует о наличии обменов и взаимодействия между древнекитайской и таштыкской культурами.

Материалы и методы исследований

Основу данного исследования составляют два метода:

Во-первых, метод исследования письменных источников. На основе собранных русскоязычных материалов, прежде всего работ и археологических отчётов известных археологов, возможно детально проследить историю и динамику развития таштыкской культуры; затем с привлечением собранных китайскоязычных материалов, особенно древнекитайских письменных источников, уточ-

няются процессы этнических изменений и взаимодействий в древности, что позволяет комплексно изучить китайские элементы в таштыкской культуре.

Во-вторых, метод сравнительного исследования: путём сопоставления предметов, найденных в комплексе таштыкской культуры, прежде всего артефактов с китайскими признаками, с аналогичными предметами древнего Китая, особенно эпохи Западной и Восточной Хань, установить, являются ли китайские элементы в таштыкских изделиях характеристиками цивилизации именно ханьского времени.

Результаты и обсуждения

I. Элементы китайской культуры в погребальной культуре

1. Формы погребения

В некрополях таштыкской культуры существовало несколько способов погребения. Первый – непосредственное захоронение тела или мумии; в археологии его обычно называют «первичным погребением». Это одно из ключевых понятий при изучении погребальной практики и означает первое, полное и систематическое помещение тела умершего в определённое место после смерти. Такое погребение, как правило, сохраняет анатомические взаиморасположения останков (т. е. порядок костей не был искусственно нарушен), что отражает исходный способ обработки тела в ходе обряда. К нему относятся прямое захоронение в грунт (напр., ямная могила, каменный ящик/саркофаг) либо помещение в пещеру, погребальную камеру и иные места с фиксированной пространственной структурой; оно может сопровождаться инвентарём, контейнерами (напр., гробом) и следами обряда (поза и ориентировка тела, покрытия и т. п.) как культурными компонентами. Исследование первичных погребений позволяет археологам рассматривать представления древних коллективов о жизни и смерти, социальную стратификацию, религиозные верования, способы санитарной обработки и аспекты коллективной памяти.

Второй способ – противопоставляемое ему вторичное погребение. В археологии вторичное погребение – это форма погребальной обрядности, при которой после первоначального захоронения останки подвергаются повторной обработке и повторному помещению. Вторичное (или повторное) погребение означает, что после первичного захоронения, экспонирования, кремации либо по истечении определённого времени и произошедших изменений человеческие кости вновь собираются и повторно размещаются в могиле либо ином ме-

сте. Эта форма характерна для ряда культурных традиций и обладает специфическим религиозным или социальным значением. Признаки вторичного погребения включают: кости часто упорядочиваются, раскладываются, складываются в куче или помещаются в контейнер; иногда сопровождаются обжигом, омовением, соскабливанием костей; расположение или тип могилы могут отличаться от первичного погребения; нередко отражаются обычаи почитания предков, верования в душу или практики коллективных захоронений.

Третий способ – кремация. В археологии «кремация» обозначает форму погребального обряда, ключевой признак которой состоит в сожжении тела умершего до состояния золы. Это практика, при которой труп подвергается воздействию огня и превращается в пепел; она широко засвидетельствована в культурах разных регионов мира и в различные исторические периоды. Археологические следы кремации обычно включают обугленные человеческие кости, золу, кремационные ямы и кострища, урны (или сосуды) с прахом и т.п. Анализ кремационных комплексов позволяет исследовать погребальные представления, религиозные верования, социальную организацию и технологические приёмы соответствующих сообществ. Кремация может быть первичной (непосредственное сожжение тела) либо вторичной (предварительное экспонирование или труположение с последующим извлечением костей и их сожжением) и нередко сопровождается инвентарём или особыми ритуальными действиями.

Могилы таштыкской культуры представлены преимущественно двумя типами погребальных сооружений – грунтовыми и каменными (камерными) могилами; при этом в обоих типах фиксируются следы кремации. Относительно происхождения кремационного обряда. В литературе наиболее распространёнными являются три точки зрения: от автохтонной культуры; от миграционной культуры; от комплексной культуры. Сторонники автохтонной концепции полагают, что кремация возникла в скифское время в среднем течении Енисея; согласно миграционной концепции, кремационный обряд был заимствован Минусинской котловиной извне; синтетическая концепция связывает происхождение кремации с переселением населения из Синьцзяна (Китай, где имеет связь с тагарской культурой) [5]. Согласно синтетической концепции, в кремационном обряде таштыкской погребальной культуры могли присутствовать отдельные элементы влияния кремационной традиции китайского Синьцзяна.

Кремация в срединных районах Китая эпохи Хань не была распространена; она в основном су-

ществовала на пограничных территориях и в зонах влияния иноземных религий (буддизма). Относительно явления кремации имеются упоминания уже в древних источниках. Так, в сочинении эпохи Чжаньго «Мо-цзы. Цзе цзан (нижняя часть)» описали, что к западу от государства Цинь существовало государство под названием Ицюй (Ицюй, являлось важной ветвью западных жунов и самым сильным из восьми государств западных жунов), где люди, когда умирали их родственники, складывали хворост и сжигали тела. Когда пламя вздымалось вверх, они называли это «дэн ся» (то есть вознесение души на небо). Лишь поступив так, человека считали сыном, проявившим сыновнюю почитательность. Это свидетельствует о существовании кремационного обряда уже со времени периода Чжаньго (Воюющих царств).

В книге «Хоу Хань Шу» (История Поздней Хань) однозначно зафиксировано, что у племенных объединений народов на юго-западной окраине ханьского государства также существовал обычай сжигать тела умерших. Одновременно в I в. н. э. с проникновением буддизма была принесена идея «кремации», и огненное погребение постепенно стало распространяться; ранние формы «реликвии после кремации» (шэли) и «погребение в ступах» (тацзан) также начали практиковаться среди части монашествующих. Однако письменные свидетельства о буддийской кремации сравнительно поздние и оформились лишь в эпоху Вэй, Цзинь и Южных и Северных династий. Например, «Гао сэн чжуань» (соч. Хуэйцзяо, эпоха Лян) фиксирует несколько случаев кремации выдающихся монахов после их кончины.

В настоящее время понимание ранних кремационных практик опирается преимущественно на археологические находки, такие как выявленные в Синьцзяне, Юньнани и Сычуани кремационные комплексы. В области Синьцзяна, именовавшейся в древности Западным краем (Сиюй), археологические данные фиксируют существование кремации уже со времён бронзового века; высокая степень сходства между кремационным обрядом Синьцзяна и обрядом таштыкской культуры дополнительно подтверждает обоснованность синтетической теории происхождения. Во-первых, это касается способов кремации: в Синьцзяне различаются внутримогильная и внегробничная кремация. Внутримогильная кремация предполагает прямое сожжение тела в погребальной камере, тогда как внегробничная означает кремацию вне камеры с последующим сбором крупных фрагментов костей для захоронения. В таштыкской культуре на тепсейском этапе в Маринском степном районе были широко представлены как внутримогильное,

так и внегробничное сожжение останков [4]. Одно отличие состоит в том, что население таштыкской культуры помещало прах после кремации в различные сосуды для последующего захоронения.

Во-вторых, это вторичное погребение (или вторичное захоронение): как в кремационных могилах Синьцзяна, так и в погребальной культуре таштыкцев существовал обычай вторичных захоронений. Вторичное погребение является одной из наиболее распространённых форм для ранних кремационных могил Синьцзяна; под ним понимается такой способ, при котором умерший сначала подвергается первичному захоронению, после разложения мягких тканей основные кости извлекаются и перезахораниваются в другом месте либо выносятся для повторного совместного захоронения с другими лицами [2]. Способ вторичного захоронения человеческих останков в таштыкской культуре согласуется со способом вторичных погребений в Синьцзяне. Например, Э.Б. Вадецкая обнаружила на некрополе, что кости при вторичном погребении аккуратно и по определённым правилам укладывались, а также обёртывались в плотные упаковочные материалы; одной из особенностей синьцзянских вторичных захоронений является повторное упорядочивание костей по определённой схеме либо их обёртывание войлоком и тканями с последующим повторным захоронением. Кроме того, в обоих случаях череп занимает важное место: в синьцзянских вторичных погребениях череп относится к главным извлекаемым костям, тогда как в таштыкских вторичных погребениях череп размещается отдельно.

В-третьих, человеческие жертвоприношения и погребения с сопровождающими (жертвенными) лицами. В археологии под человеческими жертвоприношениями понимается практика, при которой в древних культурах или в рамках определённого социального контекста живые люди выступали объектами жертвоприношения или сопребения – для почитания божеств, предков либо с целью сопутствовать умершему; её наличие подтверждается и анализируется по распределению человеческих останков, структуре погребений и сопутствующим культурным материалам при раскопках. И в кремационных погребениях Синьцзяна, и в таштыкских могильниках фиксируется явление человеческих жертвоприношений, причём позы размещения останков также обнаруживают сходство. На кладбище Сянбаобао на Памирском плато Синьцзяна выявлены кремационные погребения с жертвенными людьми: в погребальной камере обнаружены фрагментированные конечности – рабы, расчленённые для сопребения, а также детские захоронения жертвенного характера. Кроме того, в

одном из памирских погребений выявлена камера с насильственно погребённой заживо рабыней, тело которой находилось в неестественном положении [11]. Наиболее ранняя фиксация явления человеческих жертв в таштыкских погребениях принадлежит Л.Р. Кызласову: при исследовании таштыкской гробницы № 2 памятника Изых (Изыхский чаа-тас) была обнаружена женская особь с беспорядочно разбросанными костями; эти останки были интерпретированы как жертвенная рабыня. Э.Б. Вадецкая указывает, что в гробнице № 2 на Сабинке, раскопанной Д.Г. Савиновым, зафиксировано явление человеческих жертвоприношений: множественные расчленённые останки, размещённые в неестественных позах; всё это – погребения жертвенного характера [1]. Кроме того, в рамках ритуалов жители таштыкской культуры обычно приносили в жертву быков, лошадей и овец; в кремационных могилах Синьцзяна также существовал обычай сопребения животных, преимущественно быков, лошадей и овец.

В совокупности обряды кремации, вторичных захоронений и человеческих жертв в погребальной практике таштыкской культуры демонстрируют высокую степень соответствия аналогичным явлениям в Синьцзяне Китая. Этот комплекс культурных совпадений служит веским подтверждением «синтетической теории происхождения» и указывает на то, что в ходе своего развития таштыкская культура, с большой вероятностью, восприняла погребальные представления и ритуальные традиции, происходящие из китайского Синьцзяна.

2. Погребальные обычаи – зерно в составе погребального инвентаря

В древних погребальных обычаях существовала практика вкладывания зерна в могилу; под этим понимается помещение в захоронение сельскохозяйственных культур (например, проса, чумизы, риса, пшеницы, бобовых) в качестве «пищи потустороннего мира» для умершего либо как символического средства жизнеобеспечения, что отражает верования «служить умершим как живым» и в существование души после смерти. Относительно данной практики в древнекитайских письменных источниках имеются соответствующие свидетельства. В «И ли. Ши сан ли» («Книга этикета и церемоний. Погребальные обряды для служилого человека») упоминается подготовка к захоронению жареного проса и чумизы. А согласно «Хоу Хань Шу» (История Поздней Хань), в погребальной системе эпохи Хань в качестве сопребального зерна использовались восемь различных видов сельскохозяйственных культур. Зерновые, обнаруженные при археологических раскопках ханьских могил, также подтверждают существование традиции

вкладывания зерна в погребения. В погребениях эпох Западной и Восточной Хань в районе Сианя из керамических зернохранилищ извлечены остатки нескольких видов зерновых культур. Зернохранилища для запасов продовольствия являлись типичными сопребальными предметами в ханьских захоронениях. Поскольку настоящие амбары были слишком велики, их изготавливали как керамические минци, помещая внутрь зерно [9]. На этом основании как письменные источники, так и археологические находки показывают, что уже в ханьскую эпоху вложение зерна в погребения стало одним из обычаев древнекитайского погребального ритуала. В могильниках таштыкской культуры Оглахты, Салбык и Комарков под головой умерших обнаружено множество зёрен проса; А.В. Адрианов считал, что это китайское просо [1]. Хотя их назначение не было разъяснено, это позволяет предположить, что в погребальной культуре таштыкцев мог существовать обычай вкладывания зерна в могилы. Таким образом, исходя из типичной для ханьской эпохи практики вложения зерна в погребения, из обнаруженного в таштыкских могилах проса (возможно, китайского проса), а также с учётом частичного временного совпадения (таштыкская культура: II в. до н.э. – V в. н.э.; две Хань: II в. до н.э. – II в. н.э.), можно предположить, что данный погребальный обычай таштыкской культуры – сопровождение захоронений зерном – мог находиться под влиянием Китая ханьского периода.

В издании «Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии» отмечается, что в древнем Китае было широко распространено представление о связи проса (粟, «мелкое просо») с душами умерших. Во всём Северном Китае на раннем этапе праздника Цинмин существовал обычай почитания проса и конопли: стебли проса размещали у входных дверей, у очага, перед домашним алтарём; снопы проса клали у главных ворот, раскладывали на семейных кладбищах либо сжигали иным образом. В китайских народных преданиях умершие, возвращаясь в объятия Матери-Земли, оберегают семена новой жизни. Э.Б. Вадецкая, в свою очередь, указывает, что обычай таштыкцев помещать в погребения стебли проса может быть объяснён межцивилизационными контактами [1].

В целом обычай вкладывания зерна в погребения в таштыкской культуре в значительной мере соответствует погребальным практикам эпохи Хань, что наглядно свидетельствует о присутствии в таштыкской культуре ханьских элементов и косвенно указывает на интенсивные цивилизационные контакты местного населения таштыкского

времени с древним Китаем, особенно с Китаем ханьской эпохи.

3. Погребальные одежды – шёлк

В древности шёлк представлял собой преимущественно текстиль из нити шелкопряда и происходил из Китая. Шёлк был специфически китайским продуктом; китайский шёлк – драгоценное достояние традиционной культуры и ремесла Китая, с многовековой историей, восходящей к неолиту, с изящными образцами и уникальными технологиями, пользующееся всемирной славой. Согласно преданию о происхождении шёлка, первая супруга Хуан-ди, Лэйцзу, изобрела способы разведения тутового шелкопряда и выращивания шелковицы, а также техники сматывания нити и ткачества; с того времени в древнем Китае появился шёлк. В древности шёлк символизировал социальный статус и материальное благосостояние; его использование также носило сословный характер. В китайской культуре шёлк означал не только материал для изготовления одежды; в древности он был прерогативой знати и состоятельных людей, мог использоваться как высококачественная валюта и одновременно являлся важным предметом заморской торговли. В могильниках эпохи таштыкской культуры обнаружено множество шелковых тканей; особенно шёлк из некрополя Оглахты сходен с шёлком, найденным в Синьцзяне (Китай), прежде всего из ханьских погребений.

Оглахтинский могильник, расположенный на левом берегу Енисея в Минусинской котловине, относится к раннему этапу таштыкской культуры. Шёлковые ткани, найденные в этом могильнике, по ряду признаков сходны с шёлком, обнаруженным в погребениях Синьцзяна (Китай). Особого внимания заслуживает то, что на четырёх фрагментах шёлковой ткани, служившей окаёмкой колчана, обнаружены китайские иероглифы, включая «deng gao» (дэн гао, 登高), «gao ming» (гао мин, 高明), «shou wei» (шоу вэй, 寿为) и «deng» (дэн, 登) [7]. Находки этих фрагментов шёлковых тканей с китайскими иероглифами дополнительно подтверждают наличие в могильнике Оглахты текстиля, выполненного в китайской шелковой манере. Многоцветные шёлка из погребения № 4 могильника Оглахты изготовлены в сложной технике лицевого составного полотняного переплетения; такие ткани в китайской терминологии относятся к разряду «цзинь». Кроме того, большинство многоцветных шёлковых тканей из погребения № 4 Оглахты обнаруживает многочисленные сходства с частью шёлков из памятников южной части Таримской впадины в Синьцзяне.

Так, упомянутые выше фрагменты окаёмки колчана с иероглифами «дэн гао» (登高), «гао мин» (高明) соответствуют аналогичным надписям на шёлках из Лоулана в Таримской впадине; ещё более близкими к оглахтинским изделиям являются шёлка типа «дэн гао», найденные на памятнике Иньпань в уезде Юйли и датируемые ханьско-цзиньским временем: сходны как орнаментальные мотивы вокруг иероглифов, так и общая цветовая гамма (при неидентичности отдельных цветовых сочетаний).

В могильнике Оглахты шёлк выполнял различные функции: им покрывали поверхность тела, обёртывали головы антропоморфных фигур, использовали как украшение для кос и в качестве окаёмки колчанов. Эти способы применения шёлка во многом коррелируют с практиками использования шёлка в ханьских погребениях Синьцзяна. Так, в ряде синьцзянских некрополей зафиксированы тела, покрытые шёлковыми тканями, – соответствующие археологические следы и находки обнаружены, например, на могильниках Сяохэ, Гумугу, Иньпань и на памятнике Ния. По хронологическим данным, подобный погребальный обычай – покрывать тело шёлком – существовал в Синьцзяне уже в поздний бронзовый век.

В могильнике Оглахты также обнаружены трёхцветные ткани, украшенные лентами с облачным и завитковым орнаментом; на облачных лентах изображены различные звери, а между фигурами животных в ткань вплетены китайские иероглифические надписи, одна из которых сохранилась сравнительно полно: «Годы ваши да продлятся, пусть ваше долголетие увеличится, пусть будут сыновья и внуки». По рисунку, иероглифам и их смыслу они во многом сходны с восточноханьской, найденной в Лоулане у Жоцяна (Синьцзян): между облачными завитками также чередуются изображения животных, символизирующие благополучие и долголетие. Согласно китайским источникам, во многих ханьских парчах вплетены надписи; многочисленные образцы парчи с иными орнаментами также несут тексты с благопожеланиями продления жизни и процветания потомства [6]. Очевидно, что шёлковые ткани из могильника Оглахты с надписями о долголетьи, «дэн гао» и т. п. имеют тесную связь с ханьскими образцами парчи.

Таким образом, многие особенности шёлковых тканей из могильного комплекса Оглахты таштыкской культуры во многом сходны с шёлками, обнаруженными на памятниках Синьцзяна, особенно в ханьских погребениях, – как по иероглифическим надписям на шёлке, так и по орнаменту и колористическому строю. Ещё важнее то, что ки-

тайский шёлк очень рано начал распространяться за пределы Китая различными каналами. Во II в. до н. э. император Хань У-ди, стремясь заручиться поддержкой ряда малых государств к западу от Памирского плато и в долине реки Или для совместных действий против хунну, часто тревоживших северные рубежи Хань, дважды направлял Чжан Цяня для первоначального установления контактов с Западным краем, что связало местные власти Средней и Передней Азии с ханьским двором. Проходившая через современную территорию Синьцзяна коммуникация, соединявшая Чанъань с прибрежными районами Средиземноморья, тогда делилась на южную и северную трассы; после этого китайско-западная торговля шёлком стала ещё более интенсивной, а ареал торговли расширился от Синьцзяна и Западного края до заморских территорий. Китайский шёлк обнаружен в Южной Сибири России, на берегах Байкала и в монгольском Нойне-Уле. Некоторые исследователи даже указывают, что «китайские фрагменты шёлка из оглахтинского могильника первоначально обращались на территории современного Синьцзяна, где были переработаны на месте, а затем лишь попали в среднее течение Енисея» [7]. Всё это как раз и свидетельствует о высокой вероятности того, что шёлк, обнаруженный преимущественно в оглахтинских погребениях таштыкского времени, был принесён из древнего Китая по «Шёлковому пути».

II. Китайский дворец таштыкского времени – дворец Ли Лин

Расположенный в окрестностях Абакана обнаружил дворцовый комплекс, С.В. Киселёв в своей работе обозначил как «дворец Ли Лин»; следовательно, по его реконструкции данный китайский дворец является домом Ли Лина. С.В. Киселёв считает, что на основании анализа артефактов, обнаруженных при раскопках архитектурного комплекса, время его создания относится к эпохе Хань, то есть периоду таштыкской культуры. Во всём облике дворца отчётливо проявляются элементы китайской культуры. Прежде всего, это касается композиции: вокруг центрального помещения обнаружена кровельная черепица с торцовыми дисками желобчатой черепицы (瓦当), что позволило С.В. Киселёву предположить, что здание имело китайскую четырёхскатную (вальмовую) крышу, а весь комплекс представлял собой типичную для Китая планировочную схему четырёхстороннего двора (四合院) – квадратное в плане строение с доминирующим центральным помещением и фланкирующими его восточным и западным корпусами.

Во-вторых, архитектурный элемент – торцовые диски желобчатой черепицы (瓦当). Торцовые диски желобчатой черепицы – небольшой декоративный элемент на карнизе древнекитайских построек, то есть свисающая торцевая часть тубусной черепицы; его функция – защищать концы стропил карниза от воздействия дождя и ветра, а также украшать здание. На найденных здесь торцовые диски желобчатой черепицы имеют иероглифические надписи; одну из плиток академик В.М. Алексеев перевёл так: «Сыну Неба (то есть императору) – десять тысяч лет мира, а той, которой мы желаем (то есть императрице), – тысячу осеней радости без горя» [3]. Для ханьского времени как раз характерны надписные торцовые диски желобчатой черепицы; тексты на них в большинстве своём представляют собой благопожелательные формулы. Эти торцовые диски желобчатой черепицы с надписями чрезвычайно близки к надписным плиткам периода Цинь (в 3 веке до новой эры) и Хань найденным в провинции Шэньси; там также обнаружены черепицы с формулами «Тысяча осеней и десять тысяч лет», «с Небой» и т.п. [10]. Это вновь подтверждает атрибуцию дворца ханьским временем.

Кроме того, небольшой флакон из хотанского нефрита и меч с кольцевым навершием, обнаруженные на близлежащем поселении-усадебке, относятся к эпохе династии Хань. В то же время меч с кольцевым навершием и бронзовая дверная ручка, найденные при раскопках данного дворца, сходны с мечом с кольцевым навершием и бронзовыми масками из Люшунькоу, Лаотешань (г. Далянь, пров. Ляонин), однако бронзовые маски этого региона представляют собой переработку и творческое переосмысление китайских элементов [3].

Кроме того, согласно «Исторические записки (Ши цзи)», из сведений о Ли Лине следует, что в 99 году до н.э. (период правления Хань У-ди) Ли Лин во главе пяти тысяч пехотинцев выступил из Цзюйяня и продвинулся к северу более чем на тысячу ли с целью рассредоточить силы хунну, однако на обратном пути попал в их засаду и понёс

тяжёлые потери убитыми и ранеными; впоследствии из-за истощения продовольствия и отсутствия подкреплений он в конечном итоге сдался шаньюю. После этого шаньюй выдал свою дочь за Ли Лина замуж и даровал ему высокое положение [8]. Следовательно, вследствие перехода Ли Лина на сторону хунну можно предполагать, что в этот период ханьские элементы с высокой вероятностью проникали в Южную Сибирь.

В целом дворцовая постройка эпохи Хань, возведённая в таштыкский период, насыщена китайскими элементами и стилем эпохи Хань: как планировка и способы строительства, так и обнаруженные артефакты обладают типичными ханьскими признаками. Это подтверждает о том, что некоторые китайцы были здесь вместе с другими кочевыми народами в таштыкский период, или, иначе говоря, свидетельствует о том, что ханьская культура взаимодействовала с другими культурами.

Выводы

Из изложенного следует, что таштыкская культура свидетельствует о том, что элементы китайской культуры тоже отмечаются в данной культуре. Её погребальные обычаи и традиции сопроводительного инвентаря тесно связаны с погребальной культурой эпохи Хань и, вероятно, восходят к единой культурной системе. Вещественные свидетельства – цветные шелка и китайские иероглифы на шелковых тканях, обнаруженные на таштыкских некрополях, – ясно запечатлели следы китайской цивилизации. Архитектурные детали из раскопок дворцового комплекса Лилина, такие как черепичные торцевики с китайскими иероглифами и бронзовые дверные накладки-«пушоу», обладают ярко выраженными ханьскими культурными признаками и ещё более наглядно отражают глубокое воздействие ханьской культуры в данном регионе. Китайские элементы, зафиксированные в таштыкской культуре, не только свидетельствуют об обменах и взаимном заимствовании между цивилизациями Китая в эпоху Хань и Южной Сибири, но и показывают, что кроме культур других народов, древнекитайская культура оказывала и свое влияние.

Список источников

1. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб., 1999. С. 87, 191 – 192.
2. Ван Илинъ Исследование доисторических кремационных могил Синьцзяна // Исследования Западного края. 2022. № 2. С. 89 – 98, 171.
3. Киселёв С. В. Древняя история Южной Сибири // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 9. С. 268, 270.
4. Корнеева Ю.С. Погребальный обряд населения таштыкской культуры: типология и локальные варианты для склепов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2009. С. 164 – 174.
5. Корнеева Ю.С. О происхождении и семантике погребальных масок таштыкской культуры // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 95 – 99.

6. Кун Д., Чжао Фэн, Цюй Чжижэнь и др. Китайское искусство шёлка. Пекин: Изд-во иностр. лит.; Нью-Хейвен: Изд-во Йельского ун-та, 2012. С. 152 – 157.
7. Панкова С.В., Миколайчук Е.А. Китайские шелковые ткани из Оглахтинского могильника (раскопки 1969 года) // Искусство древнего текстиля: методы изучения, сохранность, реконструкция: сб. материалов. Москва, 2010. С. 108 – 141.
8. Сыма Цянь «Исторические записки (Ши цзи)»: Биография генерала Ли // Ши цзи: выверенное и исправленное издание «Двадцати четырёх историй». Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2014. Цз. 109.
9. Чжао Чжицзюнь Идентификация и анализ растительных остатков из керамических зернохранилищ, обнаруженных в погребениях двух ханьских династий района Сианя // Институт охраны памятников и археологии г. Сианя (сост.). Погребения эпохи Восточной Хань в Сиане. Пекин: Вэньу, 2009. С. 1077 – 1088.
10. Шэнь Юньянь Исследование древнекитайских торцовых дисков желобчатой черепицы: дис. ... канд. искусствоведения. Аспирантура Академии общественных наук КНР, 2002. С. 39 – 89.
11. Юань Мэнцзэ Предварительный анализ явления древней кремации в Синьцзяне: дис. ... канд. ист. наук. Центральный университет национальностей, 2012. С. 1 – 48.

References

1. Vadetskaya E.B. Tashtyk era in the ancient history of Siberia. SPb., 1999. Pp. 87, 191 – 192.
2. Wang Yilin. Study of prehistoric cremation graves of Xinjiang. Studies of the Western Region. 2022. No. 2. P. 89 – 98, 171.
3. Kiselev S.V. Ancient history of Southern Siberia Materials and research on archeology of the USSR. 1949. No. 9. Pp. 268, 270.
4. Korneeva Yu.S. Funeral rite of the Tashtyk culture population: typology and local variants for crypts. Bulletin of NSU. Series: History, Philology. 2009. P. 164 – 174.
5. Korneeva Yu.S. On the Origin and Semantics of Funeral Masks of the Tashtyk Culture. Almanac of Modern Science and Education. Tambov: Gramota, 2009. No. 1 (20): in 2 parts. Part II. P. 95 – 99.
6. Kun D., Zhao Feng, Qu Zhizhen, et al. Chinese Silk Art. Beijing: Foreign Literature Publishing House; New Haven: Yale University Press, 2012. P. 152 – 157.
7. Pankova S.V., Mikolaichuk E.A. Chinese Silk Fabrics from the Oglakhtinsky Burial Ground (Excavations of 1969). Ancient Textile Art: Study Methods, Preservation, Reconstruction: Collection of Materials. Moscow, 2010. P. 108 – 141.
8. Sima Qian “Historical Records (Shi ji): Biography of General Li”. Shi ji: Revised and Corrected Edition of the “Twenty-four Histories”. Beijing: Zhonghua shuju, 2014. Sec. 109.
9. Zhao Zhijun Identification and Analysis of Plant Remains from Ceramic Granaries Discovered in the Tombs of Two Han Dynasties in the Xi’an Area. Xi’an Institute of Monument Protection and Archaeology (compiled). Eastern Han Tombs in Xi’an. Beijing: Wenwu, 2009. P. 1077 – 1088.
10. Shen Yongyan A Study of Ancient Chinese End Discs of Grooved Roof Tiles: Diss. ... Cand. of Art History. Postgraduate Program of the Chinese Academy of Social Sciences, 2002. P. 39 – 89.
11. Yuan Mengze Preliminary Analysis of the Phenomenon of Ancient Cremation in Xinjiang: Diss. ... Cand. Sci. (Hist.). Central University for Nationalities, 2012. P. 1 – 48.

Информация об авторе

Чэнь Цзяи, Хэбэйский педагогический университет, Китай

© Чэнь Цзяи, 2025